

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.).

13 августа 1942 г. скончался Гоша. Человек, которому так много было отведено места в моём печальном дневнике. Человек, который доставил мне минуты почти счастья и часы горьких страданий. Но всё же память о бедном Гоше у меня навсегда останется светлой, хотя и болезненной. Юля пишет, что 4-го апреля они – Гоша, Муся и тётя Соня – выехали из Ленинграда в Котельнич к Сусе с Ниной. Там Гоша уже не мог выздороветь от туберкулёза и погиб. Муся, кажется, сейчас очень страдает. Перечитывая страницы и погружаясь в воспоминания, ясно ощутила приторно-горьковатое и слегка дурманящее благоухание ленинградской почти 5-летней жизни. Оттого, что это всё уже «в прошлом», сердце щемит тоска. С огорчением отметила, что на этих страницах я слишком мало места уделила фактически спасшему меня от грозившего ареста или высылки моему двоюродному деду Михаилу Георгиевичу, прекрасному и обаятельному человеку, в беседах с которым я часто находила утешение. Духовные качества его выражались в высоких интеллекте и эрудиции не только в технической области, но и в гуманитарной. Наряду с прочими братьями числился в больших юмористах. Именно с дядей Мишей, пожалуй, больше, чем с остальными дядями, связывали моего отца взаимопонимание и родственные чувства, хотя жили они в разных городах.

Недавно получила от Яши (Таточкиного мужа) письмо, от 20/ XI 1-42 г., с сообщением о смерти несчастной Таточки, последовавшей 22 сентября от скоротечной чахотки, слишком поздно она, очевидно, выехала из Ленинграда. Яша неутешен. За ней следом умерли её брат (и Павлика) Боря и мать – Ольга Алексеевна. Юля во вчерашнем письме сообщает о смерти Жени, Вали и его жены, Холмогоровых (проф. Холмогоров – соавтор одной из книг дяди Миши). Боже, волосы встают дыбом от всех этих известий!

Юлька, бедняжка, осталась там совсем одна, работает в госпитале. Выходила очень неудачно, на четыре месяца, замуж и сейчас, видно, очень одинока.

Написала ей письмо. Вот какова грустная повесть последних событий.

На фронте, после бурного, породившего столько оптимизма, подъёма, дела опять ужасны. Одним духом отдали немцам 11 с таким трудом завоёванных городов. Чувствовалось, что веселиться рано. Отданы Харьков, Белгород и др. В сводках – «Велись бои на прежних направлениях...» Какие совпадения! Как и при получении известия о смерти моего незабываемого дедули, по радио, как нарочно, транслировали 2-ю часть 6-ой симфонии Чайковского, так любимую им и растерзавшую мою душу на части, так и теперь передают Аппассионату Бетховена, которую играл Гоша. Мысли никак не хотят вернуться к настоящему.

29 марта 1943 года... Вчера мне сообщили, что вероятно, Миша отправится прямо из Москвы в командировку (2-х месячную) на фронт. Нечего и говорить о моём огорчении, тем более, что я ждала его 30-го уже домой... С наслаждением читала «Манфреда», а сейчас «Вильгельма Мейстера» Гёте. Нашла такое восхитительное место в религиозном смысле (глава «Признания прекрасной души»). <...>

1 апреля 1943 г. Со 2-го, наконец-то, выхожу на работу – чертёжницей-лаборанткой на инженерный факультет Академии.

8 апреля. Слава Богу! Получила телеграмму от Миши из Ленинграда – волнуясь за него, т.к. сейчас там свирепые бомбёжки. Настроение паршивое. Ещё и денег нет, отсюда следствие – отсутствие картошки, а посему я голодна. А это чувство после Ленинграда для меня невыносимо, превращаясь в ощущение почти физической боли и наводя на меня ужас.

Хожу на работу – сейчас распутица, вся Йошкар-Ола погрузилась в чёрно-рыжую слякоть, а потому это хождение отнюдь не доставляет удовольствия. Но работа всё же отвлекает внимание и оказывает бальзамическое действие против зелёной и чёрной тоски».

Вспоминаю, что, по фонетике эвакуированных, в «Кошмар-дыре» основными понятиями, внедрившимися в наши головы на марийском языке, были – кинде, монча, параньга, ела и елташ-шамыч, соответственно, по-русски – хлеб, баня, картошка, улица и товарищи (приставка «шамыч» означает множественное число).

«11 апреля. Сегодня воскресенье... У нас очень неприятная история дома: окончила жизнь самоубийством одна из трёх сестёр – наших соседок по квартире. Она полгода тому назад получила «похоронную» о муже и теперь, 2 дня тому назад, о сыне – это было, по-видимому, завершающим ударом. Несчастная женщина, ещё молодая и замечательно крепко сложенная, бросилась в реку (р. Кокшага). Боже, когда же всё это кончится?!

14 апреля. ...Написала длинное письмо Маргит (первейшая школьная подруга) в ответ на привезённое от неё из Москвы замечательное тёплое послание от 21 марта 43 г. С присутствующим юмором описывает она и знаменитое 16-е октября».

По-видимому, здесь речь идёт о 1942 годе, когда из столицы происходило бегство «высокого начальства» и частично сжигались, частично вывозились архивы. Письмо испещрено красноречивыми описаниями и фразами:

«...Зато ты там сыта. А это, Женечка, как ни грустно констатировать, стоит многих благ, которыми мы здесь пользуемся на лёгкий желудок. Есть люди, и многие, которые, сидя в Москве на тёплых местах, ещё и не знают, что значит желание хоть мало-мальски нормально питаться. Но этими людьми мы с тобой, Женя, всё равно никогда не будем, в настоящих условиях, конечно».

И это пишет преподаватель, только что окончивший Радиотехнический институт.

«Живём, как животные. Правда, много и хорошего сейчас в Москве... самая основная приманка – это театры. Ведь всё возобновилось. Снова блещет Художественный театр, Малый, а с 8-го апреля вновь открывается заново отремонтированный после ранения Большой театр. Вернулся Государственный оркестр и начались симфонические концерты...можно слушать и смотреть спектакли на голодный желудок...

16 апреля 1943 г.

Морфей! До утра дай отраду
Моей мучительной любви.

Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови.

(Из Пушкина).

Сейчас, хоть не Морфей, но я задую свою гнусную копилку и погружусь в сладостный сон. Сегодня на базаре видела Би (Бинович Леонид Эдуардович, филолог польского происхождения, большой эрудит в языках и литературе, старинный, ещё с 1920-х, приятель моих родителей, эвакуировавшийся с семьёй в Йошкар-Олу) – объективно картина занятая: он сидит у забора на какой-то тачке в качестве торгующего барахлом, на заборе сзади висит старый матрас, на одном колене – поношенные сандалии, на втором колене он, подложив томик со стихами Гейне (на немецком языке), на бумажку заносит тезисы из предстоящего доклада «О фонетике и методах преподавания немецкого языка». Прибавлю, что одет он был вполне изысканно, исключая продающуюся женскую шляпу на голове, так что картина получилась вполне законченная и удивительная. Постояв перед ним минуты три, упиваясь смакованием данного явления, я его, наконец, окликнула. Произошла, разумеется, бурная встреча, привлёкшая любопытствующих зевак.

17 мая. ...На душе так отвратительно, что, того и гляди, вырвет. Дома скандал – хозяйка развопилась. Господи, что за несчастные создания эти беженцы – шпыняет всяк, как может. Когда же конец?

Мамочка не пишет – страшно волнуясь... Получает ли мои посылки?

24 июня 1943 г. Самым безобразным образом забросила свой дневник. Впрочем, никаких существенных изменений на моём фронте не произошло (точно, как при сообщениях Совинформбюро – злоещее затишье).

8 июля. Играют грустный, грустный вальс...

Читаю умную книжку «О тех, кто предал Францию» – сердце сжимается болью, и голова не может усвоить непонятных вещей. Чуть было не забыла записать такую важную вещь: «на фронте существенных изменений не произошло...» – кончилось. 5-го июля (43 г.) началось третье свирепое наступление немцев. Ожесточённые бои идут уже 3-й день на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Очевидно, там сосредоточены несметные силы. Немцы идут на новых, невиданных размеров гигантах-танках, так называемых «Тиграх» или Т-6. Все ставят прогнозы, спорят, дискутируют и т.д. Что-то будет! Недавно опять выступил Черчилль, пообещал открытие 2-го фронта «к листопаду»; острят, что он, наверное, имел в виду деревья, не теряющие листву круглый год.

3 августа 1943 г. Наступление немцев, слава Богу, закончилось. Совершенно очевидно, что на сей раз летняя кампания сорвалась. Кажется даже, наши наступают, двигаясь вперёд со скоростью 5-10 км в день. Это подняло у всех дух, и несчастный наш народ смотрит уже с надеждой в грядущее. На моём личном фронте перемен нет, если не считать перипетий с хозяевами, которые упорно нас выселяют и потихоньку начинают пакостить. Многие из наших жалуются на аналогичную ситуацию.

Видели здесь подряд несколько новых фильмов, из них один американский – «В старом Чикаго» – восхитителен. И один фронтовой – «Она защищает Родину» – наконец-то они нашли в сердцах зрителей струну, которая, зазвучав, заставляла женщин биться в истерику, а мужчин плакать... Я начала реветь в кино, редела по дороге домой и дома продолжала до ночи. От прочих слышала, что не могли спать и ночью.

4/ IV – 44 г. (4 четвёрки) – такая вот дата. Как всегда, оставшись в одиночестве и без литературы, обратилась к своему безнадежно заброшенному дневнику. Ну, что же сказать? Во-первых, ход событий в личной нашей жизни. Из квартиры нас с Мишуткой всё-таки выкинули – с 17 августа по 14 сентября мы таскались с ним по знакомым, валялись по клоповым диванам в лабораториях, спали одетыми, до крайности измотались, нервничали, ссорились, хворали, однажды я потеряла сознание, Миша писал «рапорта» (безуспешно). Я ночевала под конец у Би (великое им благодарение). И, наконец, по распоряжению местной прокуратуры, водворились к тем же хозяевам в более изолированную (пустовавшую), более тёплую и более «просторную» (целых 6 кв.м) комнатёнку. После всего пережитого это показалось нам раем. Мы с энергией принялись за её ремонт, предварительно выведя клопов. Мише стали выдавать сухой паёк вместо столовского питания, причём, по так называемой 9-й норме, т.е. для одного больше, чем приличный. Я превратилась в типичную домашнюю хозяйку, и мы зажили «роскошной жизнью». Благодаря более или менее нормальным материальным и моральным условиям, стали мы с ним, впрочем не более, чем остальные (питаю надежду, что даже всё же менее, чем другие), жуткими материалистами, поглощёнными заботами о набивании желудка и благодушествовавшими в тёплой постели. Теперь Миша в Москве, уехал 20 марта, должен вернуться числа 10 апреля. Работаю на новом месте, т.е. в КБ той же Академии. Теперь, следовательно, нахожусь в обществе довольно развитых «девушек» моего возраста, занимаюсь тем же черчением и переводами с английского и немецкого языков, но, к сожалению, не только не повышая своего запаса знаний, но бесцельно растрачивая и тот скудный запас, который ещё держался в моей какой-то теперь «пустотелой», «звонкой» голове.

Зато объективные, внешние события замечательны: немцы прогнаны в некоторых участках уже за границу, например, в Румынии (наши перешли границу, форсировав Прут). БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА СНЯТА!!! Публика, как осатанелая, рвётся в Ленинград, а некоторые так даже, правда, с большим трудом, осуществили свою мечту. Академия начала собираться с зимы, собирается сейчас и, кажется, осенью действительно возвратится.

(Продолжение в следующем номере).